

Юлий Айхенвальд

Пушкин

Юлий Исаевич Айхенвальд
Пушкин
Серия «Силуэты русских писателей», книга 5

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2593925

Аннотация

«Так символична знаменитая сцена на лицейском экзамене, исторический момент, перевал на дороге русской литературы; и, олицетворение XVIII века, старик, благословляющий кудрявого мальчика, юного орленка, это – самую жизнью поставленный апофеоз, торжественная смена столетий. Потом, спутница кипучей молодости, муза принимает образ вакханки; ласковая дева, она провожает своего поэта в ссылку и волшебством только для него внятного, для других тайного рассказа услаждает ему, невидимка, путь немой, путь одинокий; романтической Ленорой при свете луны она скачет с ним на коне по скалам Кавказа или, уже религиозная, водит его на берега Тавриды слушать вечную молитву моря, таинственный хор валов, хвалебный гимн Отцу миров; муза-дикарка, муза-степнячка, Земфира, она в глуши Молдавии печальной бродит с цыганами; при новой перемене жизненных декораций – «дунул ветер, грянул гром» – является она барышней уездной – прекрасная Татьяна с печальной душой»

в очках, с французской книжкой в руках; и она же – на светском рауте, муза-аристократка, княгиня прирожденная...»

Юлий Исаевич Айхенвальд

Пушкин

В VIII главе «Евгения Онегина» Пушкин рассказывает нам поэтическую автобиографию. Его муза как бы растет на наших глазах; все глубже и многообразнее раскрывается его неиссякаемая душа. В студенческой келье, в садах Лицея слагает она, эта ранняя муза, божественная гостья, свои первые стихи; ее с Пушкиным слушают благосклонно, восхищенно, – и вот

Старик Державин нас заметил
И, в гроб сходя, благословил.

Так символична знаменитая сцена на лицейском экзамене, исторический момент, перевал на дороге русской литературы; и, олицетворение XVIII века, старик, благословляющий кудрявого мальчика, юного орленка, это – самую жизнь поставленный апофеоз, торжественная смена столетий. Потом, спутница кипучей молодости, муза принимает образ вакханки; ласковая дева, она провожает своего поэта в ссылку и волшебством только для него внятного, для других тайного рассказа услаждает ему, невидимка, путь немой, путь одинокий; романтической Ленорой при свете луны она скачет с ним на коне по скалам Кавказа или, уже религиозная, водит его на берега Тавриды слушать вечную молитву моря,

таинственный хор валов, хвалебный гимн Отцу миров; муза-дикарка, муза-степнячка, Земфира, она в глуши Молдавии печальной бродит с цыганами; при новой перемене жизненных декораций – «дунул ветер, грянул гром» – является она барышней уездной – прекрасная Татьяна с печальной думою в очах, с французской книжкой в руках; и она же – на светском рауте, муза-аристократка, княгиня прирожденная.

Так разнообразны перевоплощения всепоэта Пушкина.

И нельзя охарактеризовать его лучше, чем это сделал он сам, хотя не имея в виду только себя, в известном стихотворении «Эхо»:

Ревет ли зверь в лесу глухом,
Трубит ли рог, гремит ли гром,
Поет ли дева за холмом —
На всякий звук
Свой отклик в воздухе пустом
Родишь ты вдруг.
Ты внемлешь грохоту громов
И гласу бури и валов,
И крику сельских пастухов —
И шлешь ответ;
Тебе ж нет отзыва... Таков
И ты, поэт!

В самом деле, он – эхо мира, послушное и певучее эхо, которое несется из края в край, чтобы страстно откликнуться

на все, чтобы не дать бесследно замереть ни одному достойному звуку вселенской жизни. В этой отзывчивости, в этом даре полногласных ответов на все живые голоса есть нечто по преимуществу человеческое, так как никто не должен ограничиваться определенной сферой впечатлений и мир для всякого должен существовать весь.

Вот отчего Пушкин творя претворял; он перенимал, он многому подражал – даже другим поэтам, обливался слезами над чужим вымыслом; ведь и чужое художественное создание уже само становится природой, чем-то первоначальным, и возвращается входит в общую совокупность явлений, так что и оно родит свой отклик в воздухе пустом. Пушкин вообще не высказывал каких-нибудь первых, оригинальных и поразительных мыслей; он больше отзывался, чем звал. Это именно потому, что он был истинный поэт. То, что был он очень умен и образован, вся эта сокровищница которая могла бы составить счастье и богатство другого, – все это для него составляло только придаток; все это драгоценное было у него лишь чем-то второстепенным и не проникало в самую суть его творчества, не определяло его. Свободный духом, царственно-беспечный, он, как художник, не обнаруживал и следа интеллектуализма – поэт «глуповатой» поэзии. Не промежуточная работа мысли и даже, с другой стороны, не наитие внезапных чисто умственных откровений создавали его силу, а непосредственная интуиция, вдохновенное постижение прекрасной сущности предметов – догадка кра-

соты. И в его собственной душе жило так необъятно много этой красоты, что она могла находить себе утоление, созвучие, внутреннюю рифму только во всем разнообразии природы и во всей беспредельности человеческого бытия. Всеотзывная личность его была похожа на многострунный инструмент, и мир играл на этой Эоловой арфе, извлекая из нее дивные песни. Великий Пан поэзии, он чутко слышал небо, землю, биение сердец – и за это мы теперь слушаем его.

Но быть эхом вселенной не есть нечто пассивное и механическое: для того чтобы ответить, надобно услышать. И в этом послушании миру сказывается глубокое мировоззрение, происходит свободный выбор. Ведь Пушкин воспроизводил не то, что рассеивается во времени и пространстве, обреченное забвению, как шум печальный волны, плеснувшей в берег дальний: нет, он в силу художественного инстинкта, не задумываясь, отметал все случайное и брэнное, он сразу улавливал самую основу и очарование действительности, вечное зерно преходящих явлений и вещей. Он пел для забавы, без дальних умыслов, но в результате возникала глубина и серьезность. То, что он повторил, что навеки удержал из текучей хаотичности жизненного гула, – это именно и есть то, что заслуживает бессмертия; как раз это и должно было остаться на свете, как раз эти чистые отклики и образуют мысль и музыку мира.

Эхо души и деяний, внутренних и внешних событий, прошлого и настоящего, Пушкин в своей отзывчивости как бы

теряет собственное лицо. Но божество тоже не имеет лица. Определенные черты, физиономия присущи только тому, что ограничено, – их не знает мироздание как целое. И Пушкин, растворяясь в звуках, воспроизводящих все, отвечающих всему, именно в этом и находит самого себя, свой великий микрокосм.

От шалости до молитвы, от шутки и до гимна – в этом протекает жизнь, и это звучит в поэзии Пушкина. Она совершила весь человеческий цикл и развернула живой свиток естественной личности, которая дышит всею полнотой и силой жизненного дыхания. Перед нами не скудная тишина бесстрастия и равнодушия к жгучим приманкам земли, не срединная натура, спокойная в своей бесцветной безгрешности: напротив, мы видим, как бьется и трепещет в соблазнах горячая молодость, пенится вино на играх Вакха и Киприды; мы слышим изнеженные звуки безумства, лени и страстей; «под небом Африки моей» кипят волнующие желания чувственной природы, – и все это кончается Мадонной, чистейшей прелести чистейшим образцом. И гимны важные, внушенные богами, и песни мирные фригийских пастухов, Апулей и отцы-пустынники и жены непорочны, стихия языческая и стихия христианская, все типы мироощущений, свет и тени разнообразных чувств и помыслов – все это нашло себе у него симпатический отзвук гремучий непрерывный звон его неумолкнувшей лиры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.